

Сын Серебряного века

Создательница музея Льва Гумилёва, друг семьи Гумилёвых Марина Козырева —

о том, каким историка-энциклопедиста знали немногие

Когда мы впервые сказали Марине Георгиевне, жительнице нашего округа, о том, что она известна интернет-аудитории благодаря блестящим лекциям о друге своей семьи Льве Гумилёве, о том, что они вызывают интерес и что о них с вдохновением пишут блогеры, она была очень удивлена и тронута. Ведь учёный-географ половину жизни посвятила выдающемуся историку, автору пассионарной теории рождения и исчезновения этносов. Сначала вместе с супругой Льва Николаевича она создавала музей в память о нём, потом активно занялась просветительской работой. Так много о Льве Николаевиче вряд ли кто знает. При таких знаменитых родителях как Николай Гумилёв и Анна Ахматова их сыну Льву Гумилёву ещё до рождения была предначертана особая судьба. Но кто знал, что она будет настолько трудной, что нам сегодня сложно даже представить, как при стольких арестах, гонениях, непростых взаимоотношениях с обществом и матерью, этот человек оставил богатейшее наследие трудов по истории, этнологии, географии, археологии, востоковедению и даже удивительную поэзию.

Светлая поэзия на фоне прозы жизни

— Марина Георгиевна, известно, что Лев Николаевич Гумилёв отбывал ссылку по политическим мотивам не один раз. В какой из арестов он познакомился с вашим свёкром Николаем Александровичем Козыревым?

— У Льва Николаевича это был третий арест, но первый реальный лагерь. Сначала он работал на лесоповале на станции «Медвежьегорск», потом его перевезли в Норильск на строительство Беломорканала. Это был 1939 год. Николай Александрович прибыл в Норильск несколько позже. Будучи астрофизиком, он был арестован по «Пулковскому делу», которому подверглись многие учёные в то время. В Норильске он подружился со Львом Николаевичем, их связывали тяга к знаниям и в том числе интерес к естественным наукам. Много лет спустя, мой супруг получил доступ к архивам КГБ, часть пришлось переписывать от руки, но так мы получили бесценные документы из жизни Гумилёва в лагерях. В них есть удивительная поэзия. Сидеть в таких ужасных условиях, так тяжело трудиться и писать такие светлые стихи!

— А когда вы познакомились со Львом Николаевичем?

— Ещё до моего замужества, в университетские годы. Мы с будущим мужем уже были знакомы. Как-то шли по коридору университета, и вдруг он мне говорит: «Хочешь, я тебя познакомлю со Львом Николаевичем Гумилёвым?». Его отец в то время уже вернулся из ссылки, и Лев Николаевич был с ним дружен. Я чуть не подпрыгнула! Папа в детстве читал мне стихи Николая Гумилёва. Они мне очень нравились, я всё спрашивала, кто написал. А папа мудро отвечал:

«Не помню. В молодости выучил и забыл». И только когда я закончила школу, он сказал, что вообще-то это Николай Гумилёв, имя которого все упоминать не стоит. О Льве Николаевиче я не знала ничего. Муж меня подвёл, с ним познакомил. Упомянул, что я кончаю государственные курсы немецкого языка. Тогда Лев Николаевич спросил, могу ли я перевести для него главу из книги о религиозных верованиях древних монголов. Религиозные верования да ещё древних монголов? Я же была нормальной советской девочкой: пионеркой и комсомолкой!

— Но всё же вы согласились?

— От большого почтения ко Льву Николаевичу я согласилась. Потом, когда его потихоньку стали выживать из Эрмитажа, где он работал несколько лет, он перешёл к нам в институт. Так мы встретились уже на работе, общались, ходили вместе в столовую. Он безумно интересно читал свой курс. Сотрудники института попросили меня договориться со Львом Николаевичем, чтобы он позволил им посещать его лекции. Так мы стали ходить на его занятия, и нас становилось всё больше и больше. Никто даже не замечал дефектов в его речи (он не выговаривал «р» и «л»). Как-то один студент возмутился: как, мол, запомнишь все эти даты в истории! А Лев Николаевич ему говорит: «Кто же так историю учит, зубря даты? Вы

представьте, что у вас сундучок с клубками цветных ниток, вы берёте по ниточке, то одну, то другую, и завязываете узелок. И вдруг у вас начинает проступать рисунок, появляются карта, страна и всё!»). Лев Николаевич вообще смотрел на мир по-другому, часто говорил, что живём мы с соседними государствами как в большой коммунальной квартире и жить нужно дружно.

— Когда я училась в институте, нам читали отдельную лекцию по Льву Гумилёву и его пассионарной теории. А в то время его воспринимали как новатора?

— Нет. Сначала у начальства не было возражений против его лекций о том, как появлялись и исчезали народы. Но когда количество слушателей заметно увеличилось и продолжало увеличиваться, начальство стало вставлять палки в колёса, и, в конце концов, ему запретили читать лекции. Это было связано с тем, что Лев Николаевич был человеком откровенным на мнения, он не злобствовал, но ради исторической справедливости мог осадить человека. Гумилёв был человеком

Лев Гумилёв в комнате на Московском проспекте. 1957 год

очень образованным и знал, что история без географии, да и других наук «встречает преткание», как писал историк 18 века. Широта его взглядов вызывала раздражение и зависть. Маститый историк, академик Рыбаков не мог простить ему, молодому человеку, то, что достаточно молодой, ещё мало известный учёный делал ему замечания, и справедливые, что особенно обидно. Гумилёв в одной из его научных статей нашёл около 40 ошибок. На него начали писать доносы и надолго перестали печатать. Я рада, что сегодня Лев Гумилёв — крупная научная фигура, что к столетию со дня его рождения университет выпустил журнал, целиком посвящённый Льву Николаевичу. В его создании и мне довелось участвовать. Его книги переведены на многие языки, есть хорошие статьи о нём не только наших сотрудников, но и у зарубежных историков. И мой совет: если вы не читали

Гумилёва, начните с «Открытия Хазарии» и «Поисков вымышленного царства», потому что это очень легко и просто читается. А его книга «От Руси до России» была даже рекомендована как учебник истории для старших классов.

Лев Гумилёв и Анна Ахматова

— Так много написано о сложных взаимоотношениях Льва Николаевича с Анной Андреевной, что трудно не затронуть эту тему...

— Однажды в Комарово я проходила мимо кладбища, где похоронена его мать. Там проходила экскурсия. Группе рассказывали, что памятник на могиле поэтессы устанавливал Литфонд. Поскольку это не единственное распространённое заблуждение, я не выдержала и, тактично вмешавшись, объяснила, что это не так, что Лев Николаевич любил мать, что близко знавшие его люди рассказывали, что памятник он делал на свои деньги и венок большой чугунный крест один, на своей спине. Когда он приехал из Бежецка, где его воспитывала бабушка, к матери в пунинскую квартиру, его встретили холодно, места для него не было — он спал на сундуке в коридоре. У Анны Андреевны были свои представления о поэзии. Лев Николаевич уже в 13-летнем возрасте так умел чувствовать, переводить и писать стихи! Лукницкий как-то сказал Анне Андреевне, что Лёва очень талантлив и что он очень хорошо чувствует поэзию, она с сомнением сказала: «Неужели он будет поэт? У него плохая фантазия». Отец — Николай Гумилёв, когда ещё был жив, рисовал своему сыну иллюстрации к стихам, рисовать он не умел, но делал это выразительно. Лев Николаевич очень любил стихи отца и мог в любой момент прочитать их наизусть, а портрет отца всегда висел у него на стене.

— Каким вы запомнили его во время личного общения? Что это был за человек?

— Он был очень очень добродушным, несмотря на то, что такая у

него была тяжёлая жизнь. Вместе с очень квалифицированным исследователем Владимиром Вороновичем мы выпустили книгу «Живя в чужих словах», в которой постарались показать, каким поэтом был Лев Николаевич.

Мы с мужем часто общались с Гумилёвыми. Когда он женился, его жена, Наталия Викторовна, член Союза художников, иллюстратор многих детских книг, стала тоже для меня близким другом.

10 лет на общественных началах

— Лев Николаевич ведь жил на Московском проспекте? Вы там бывали?

— Это Московский проспект, дом 195. Шестой этаж, второе окно от угла. У Гумилёва там была комната в коммуналке.

— Как создавался Мемориальный музей-квартира Льва Гумилёва на Коломенской улице?

— Эта квартира была первым отдельным жильём Льва Николаевича. Меньше чем через 2 года после его смерти Наталья Викторовна уехала в Москву: петербургский климат при астме был для неё губителен. Но она активно участвовала в создании музея. Сегодня ему 22 года. Десять лет он существовал на общественных началах: приходилось обивать пороги учреждений, пытаться получить официальную регистрацию для музея. Я пригласила свою подругу, мы приходили сюда в свободное время, описывали вещи, потом после работы проводили экскурсии для групп. Это была середина 90-х, тяжёлое время. Но людей приходило много и с каждым годом всё больше! Спустя 10 лет, в 2004 году музей-квартира Льва Гумилёва стал филиалом музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. В этом же году, спустя несколько месяцев, умерла Наталья Викторовна, однако зная, что музей состоялся и дело её жизни сделано.

беседовала

Ирина Корецкая

Полная версия интервью на сайте mo47.spb.ru